

БУНТУЮЩЕЕ

ОДИНОЧЕСТВО

(О КНИГЕ МАРГАРИТЫ ТОКАЖЕВСКОЙ «ПРИТЯЖЕНИЕ»)

ствует на протяжении всей книги. Автор затягивает читателя в свой неустроенный и противоречивый мир, как бы тот ни сопротивлялся этому.

*В каком-то кафе одиноком,
вдали от богемных кварталов...*

Всё опять как тогда – одиноко и пусто...

Одиночество – центральное чувство, пронизывающее всю книгу. Но это не одиночество отчаявшегося, покинутого всеми человека. Это одиночество человека-бойца, не смирившегося с несправедливостью жизни, несправедливостью судьбы. Одиночество человека неудовлетворенного, в том числе и теми людьми, которые окружают его.

Не случайно поэтому такое обилие «не» в текстах стихотворений.

*Не читается, не пишется,
ни праздники, ни будни
Не приносят облегчения.
Разбежались кто куда
Неизбежные, казалось,
нетеряемые люди,
Ни тебе от них звоночка,
ни письма и ни следа.*

Стихи Токажевской зачастую нервны, прихотливо изломаны, усложнены переносами. Оттого и сами эти «изломы» и «преломления» нет-нет да и попадаются в тексте.

Возникает вопрос: до какой степени автор, тем более автор-женщина, может открываться в своих стихотворениях, называть вещи прямыми своими именами? Насколько это допустимо в рамках литературной этики? Не берусь отвечать на этот вопрос. Каждый, наверное, сам определяет для себя меру искренности. Но у Токажевской искренность чувства подчас компенсируется неопределенностью адресата.

И голос автора безусловно меняется, когда от «я» Токажевская переходит на «ты», обращаясь в неизвестному нам оппоненту.

*Ты – сложная тема, формула, уравнение,
лежащее
в госпитале моих переживаний...*

*Ты – неприступная скала,
приступить к тебе я не смогла...*

Постепенно обозначается конфликт, отчасти этический, отчасти личный, со

своего рода антигероем книги. Со своей стороны ей эмоциональностью Токажевская то притягивается к своему антигерою, то «отталкивается» от него.

*Ну, вот и всё. Приехали, дружинце.
Тебе направо, – мне еще правее. (!!!)*

Какая характерная строка. Показывающая неуступчивость, резкость, конфликтность автора. Это не то, что строчки Ирины Моисеевой: «Она нежна, я а – нежнее, она нужна, а я – нужнее»

У Токажевской нет ни капли женской снисходительности:

*Сейчас помчишься, благо, зонт бессилен
Тебя спасти от ливня и простуды,
По лучшим лужам пятками босыми,
Неосудивший – равно – неподсуден.*

И тут же, вопреки заявленному, автор начинает судить и осуждать своего антигероя, фактически утверждая его на должность именно антигероя: *Плох ты, парень, плох...*

Волны притяжения и отталкивания, чередовавшиеся поначалу, наконец-то достигают своего апогея, высшего градуса обличения:

*Разозлили, братан,
и борзость твоя, и скользкость,
И рогатых иуд
с копытными злая помесь...*

*Мы ведь пили святую воду
из общей кружки,
А теперь ты решил
стихи замешивать на мате...*

Образ антигероя проясняется: это – тоже поэт, или, по крайней мере, стихотворец. Отступник и ренегат, предавший Бога, веру, чистоту языка «отчие пашни», наконец. В этом праведном негодовании смущает не только полууголовное обращение «брата». Смущает и неистовство, с которым автор обрушивается на своего оппонента.

Автор злится, перебивая злостью другие свои чувства, которые могли бы показать его слабость, его беззащитность. «Лучшая защита – нападение», и автор нападает. Это и злость на саму себя, на свою неспособность принять несправедливость, несовершенство этого мира. Именно неприятие обуславливает высокую эмоциональную

*Ожидал меня заводик
И вечерний институт...
очень длинная дорога –
Сопромат и недосыпы,
а потом еще серьеzней –
Коммуналка, дети, муж...*

Двигаясь по книге, непроизвольно отмечаю удачные строчки:

*Сквозь кружево прошедших дат
упавшее струится небо...*

*Тенью на потолке – сонная люстра,
В творческом котелке – чисто и пусто...*

И одновременно – умышленные нарушения орфографии: «безконечность», «безполезность», «бессмертие», «безстрашье»... Эти нарушения неслучайны, они приоткрывают характер и позицию автора подчас точнее, чем строки стихотворений.

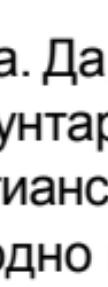
И вот, наконец:

*Здесь каждый уходит в леса
своих одиночеств зеленых...*

Наконец, прозвучало главное слово книги – одиночество. Именно одиночество, часто неназываемое, но незримо присутствующее в стихах, вызывает у читателя чувство тревоги, неустроенности, душевного дискомфорта. Автор невольно (или умышленно?) заражает читателя своим внутренним неустойчивым состоянием, которое не столько притягивает, сколько отталкивает читателя. Это ощущение борьбы притягивания-отталкивания присут-

Маргарита Токажевская

Притяжение

Белгеческое
книжное окно

2017

ноту автора. Да, автор одинок. Но это одиночество бунтаря! Оно агрессивно, оно лишено христианского смирения, оно обозначает еще одно внутреннее противоречие поэта, который, с одной стороны, будучи человеком религиозным, обращается в своих стихах и к Богу, то к молитве, а с другой стороны, подобно старцу Аввакуму, готов пострадать во имя истинной веры, во имя только ему видимых истин.

Отдельное место в книге занимает стихотворение посвященное сыну. «Я люблю тебя, тебя люблю я...».

Автор как будто не замечает, как первой же строкой, ее кольцевой структурой, охватывает, словно заключает в оковы, объект своей любви. Это любовь, которая призвана спасти сына от «себя самого», и эта любовь эгоистична и бескомпромиссна.

Когда-то Станислав Куняев написал строчки, вызвавшие споры: «добро должно быть с кулаками». Здесь же перед нами явлена, и в полный рост, любовь «с кулаками».

Не здесь ли лежит причина авторского бунтарства? В собственной строгости, граничащей с гордыней? Во внутренней почти биологической реакции неприятия всего несовершенного. Да, наш мир несовершенен, несправедлив, равнодушен. Таковы и люди его населяющие.

Обличая своего антигероя, – «ты нарушил закон: все слова поверять любовью» – Токажевская сама же и нарушает этот закон. Большая часть ее стихотворений при всей «сделанности», эмоциональной заточенности, нервности, едва ли покажутся «проверенными любовью».

Не в этом ли причина внутреннего конфликта, не в этом ли жажда притяжения к недоступному идеалу и безуспешный его поиск?

